

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЖУРАВСКИЙ (Москва) – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных культур РГГУ, доцент кафедры религиоведения СФИ, преподаватель истории ислама, исламо-христианских отношений. Область интересов – история исламо-христианских отношений, исламо-христианский диалог, ислам в истории России. Автор книг: «Христианство и ислам: социокультурные проблемы диалога» (1990), «Христиане и мусульмане: проблемы диалога. Хрестоматия» (2000), «Ислам» (2004), а также статей и монографий по истории ислама и проблемам исламо-христианского диалога.

Алексей Журавский

СПРАВЕДЛИВА ЛИ ОППОЗИЦИЯ «ИЕРАРХИЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСТВО» – «НЕИЕРАРХИЧЕСКИЙ ИСЛАМ»?

Тема, которую я предлагаю на ваше рассмотрение, нова для меня самого. Не то, чтобы я никогда не задавался этим вопросом. Занимаясь исламом и христиано-мусульманскими отношениями, его избежать невозможно. Однако я никогда не ставил перед собой задачу специально его исследовать. Поэтому я прошу вас рассматривать мой доклад только как первый подход к проблеме, как ее постановку.

Размышления над этой темой привели меня к одному тексту, написанному от имени любознательного перса Рика, который отправился путешествовать по Европе.

«Папа – глава христиан. Это старый идол, которому кадят по привычке. Когда-то его боялись даже государи, потому что он смещал их с такой же легкостью, с какой наши великолепные султаны смещают царей Имеретии и Грузии. Но теперь его уже больше не боятся.

Епископы – это законники, подчиненные папе и выполняющие под его началом две весьма различные обязанности. Когда

они находятся в сборе, то, подобно папе, составляют догматы веры; а у каждого из них в отдельности нет другого дела, как только разрешать верующим нарушать эти догматы. Надо тебе сказать, что христианская религия изобилует очень трудными обрядами, и так как люди рассудили, что менее приятно исполнять обязанности, чем иметь епископов, которые освобождают от этих обязанностей, то ради общественной пользы и приняли соответствующее решение.

Епископы не сочиняют догматов веры по собственному побуждению. Существует бесчисленное количество ученых, большей частью дервишей, которые поднимают в своей среде тысячи новых вопросов касательно религии; им предоставляют долго спорить, и распря продолжается до тех пор, пока не будет принято решение, которое положит ей конец.

Тех, которые выносят на свет божий какое-нибудь новое предложение, сначала называют еретиками. Каждая ересь имеет свое имя, которое является как бы объединяющим словом для ее сторонников. Но кто не хочет, тот может и не считаться еретиком: для этого человеку нужно только придерживаться инакомыслия лишь наполовину и установить различие между собою и теми, кого обвиняют в ереси; каким бы это различие ни было – вразумительным или невразумительным – его достаточно, чтобы обелить человека и чтобы отныне он мог называться правоверным.

То, о чем я тебе рассказываю, относится к Франции и Германии, а в Испании и Португалии, говорят, есть такие дервиши, которые совершенно не понимают шуток и жгут людей, как солому.

Благословенна страна, обитаемая детьми пророков! Такие прискорбные зрелища там неведомы»¹.

Я думаю, что даже те, кто не узнал автора этого текста, поняли, что писал его не мусульманин. А процитировал я «Персидские письма» Шарля Луи Монтескье. Понятно кому и чему адресовалась ирония Монтескье. Однако в этом псевдо-персидском письме невольно, как в двойном зеркале, отразилась будущая путаница в европейских умах, пытавшихся осмыслить некоторые мусульманские реалии в христианских понятиях.

¹ Монтескье Ш.Л. Персидские письма. Москва, 1993. Письмо XXIX.

Я думаю, уместно будет вспомнить еще один текст – рассказ Хорхе Луиса Борхеса «Поиски Аверроэса», в котором автор, по его словам, описывает «историю одного поражения». Комментатор Аристотеля, Аверроэс (Ибн Рушд) бьется над переводом понятий «трагедия» и «комедия». Он видит, как дети в патио играют в муэдзина и в намаз, но не может осмыслить их игру как зародыш театрального действия, о котором писал Аристотель. Оставаясь всецело в рамках мусульманской духовной традиции, он в итоге толкует трагедию как панегирик, а комедию как сатиру и проклятия, и, естественно, терпит поражение².

Нечто подобное происходило и в европейском исламоведении XIX века, когда исследователи пытались описать духовную организацию мусульманской общины в христианских понятиях: когда умма уподоблялась церкви, Божьи посланники – апостолам (апостолы, конечно, посланники, но какие коннотации сопутствуют этому сравнению), мусульманские улемы – духовенству, а османский халиф сравнивался с Римским папой. Впрочем, о том, что багдадский халиф дает отпущение грехов и индульгенцию неверным мусульманам писали еще в средневековых христианских хрониках³. И тогда вполне понятно, почему в 30-х годах минувшего века в таком серьезном журнале, как «The Muslim World», объясняли читателям, что халиф это не папа. Хотя если вы сегодня наберете в Википедии слово «ахун»⁴, то узнаете, что это «мусульманский епископ».

Обнаружив бесперспективность иерархических уподоблений, некоторые европейские исследователи ислама бросились в противоположную крайность. В исламе вообще нет Церкви как института и духовенства как духовной корпорации. Мусульманин не нуждается в посреднике между собой и Богом, он напрямую общается с Аллахом, совершая пять раз в день молитву, соблюдая пост в Рамадан, уплачивая регулярный налог в пользу нуждающихся единоверцев, предпринимая, если это возможно, паломничество в Мекку, а главное – строго придерживаясь норм «надежного пути», указанного в Коране. Мулла – это всего лишь учитель религиозной школы, знаток мусульманского ритуала,

к нему простой человек может обратиться за разъяснениями по поводу тех или иных правил ислама. Имам – всего лишь предстоятель общей молитвы, им может быть любой мусульманин, умеющий читать Коран по-арабски. Улем тоже не священник, а знаток богословия и шариатской юриспруденции.

Всё это на первый взгляд так, и всё же не так. Существует же и всегда существовала некая группа, социальная прослойка, корпорация, элита (термин в данном случае не принципиален), способная организовывать мусульманскую общину, руководить ею, регулировать отношения между мусульманами, отличать правильную веру от неправильной. А это было бы невозможно без внутренней организации этого трудноуловимого для внешнего взгляда института, без определенного распределения ролей и функций внутри него.

Попробуем хотя бы в общих чертах разобраться. В Коране о священстве и монашестве говорится только в связи с христианами. В 9-й суре утверждается:

«Они взяли своих священников (или книжников) и монахов (الرُّهْبَانِ وَالْأَخْبَارِ وَالرُّهْبَانِ) за господ себе, помимо Бога, и Мессию, сына Марии. А им было повелено поклоняться только единому Богу, помимо которого нет божества». И двумя аятами далее: «О, вы, которые уверовали! Многие из священников и монахов пожирают имущество людей попусту и отклоняют от Божьего пути» (Коран 9:31, 34). Слово «ahbār» точнее переводить как «книжники». Так и делают те, кто считает, исходя из предшествующего контекста, что речь здесь идет об иудеях и христианах.

В следующем аяте из 5-й суры, который я процитирую, всё уже однозначно: «И ты, конечно, найдешь, что самые близкие по любви к уверовавшим те, которые говорили: “Мы – христиане!” Это – потому, что среди них есть священники (قِسْيُونٌ) и монахи и что они не превозносятся» (Коран 5:82). «Kissīsūna» – это уже определенно «священники, иереи».

И, наконец, еще один аят: «Потом Мы отправили по их следам Наших посланников, и отправили Иисуса, сына Марии, и даровали ему Евангелие. В сердца тех, которые последовали за ним, Мы вселили сострадание и милосердие, а монашество они выдумали сами. Мы им его не предписывали, разве только для снискания благоволения Бога. Но они не соблюли этого должным образом. И Мы даровали тем из них, которые уверовали, их награду, а многие из них нечестивы» (Коран 57:27).

² Борхес Х.Л. Поиски Аверроэса // Сочинения: В 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 476–483.

³ См. Лучицкая С.И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 295.

⁴ أخوند – наставник (перс.). В России до 1917 г. – старший имам.

Здесь нет никаких противоречий. Всё предельно понятно: у христиан есть священники и монахи, они бывают плохими или хорошими, плохие – плохо, хорошие – хорошо.

Но то, что может быть хорошо у христиан, вовсе не должно быть принято мусульманами. Есть часто цитируемый хадис, в котором Мухаммад со всей определенностью утверждает: الإسلام لا رهبانية في (lā rahbāniyya fī-l-islām). Нет монашества в исламе, т. е. нет какой-либо обособленной от других верующих группы людей. Есть единая община верующих, и есть ее пророк – единственный возможный посредник между общиной и Богом. В Коране утверждается: «Кто повинуется посланнику, тот повинуется Богу» (4:80)⁵. Однако Мухаммад, опять же согласно Корану, «печать пророков» (33:40), с ним завершается пророческая эпоха в истории человечества, и положен предел всякой возможности дальнейшего посредничества между Богом и человеком. Правда, в Коране также сказано: «О вы, которые уверовали, повинуйтесь Богу, повинуйтесь Посланнику и обладающим властью среди вас» (4:59).

Как же общине уже без пророка определить «обладающих властью»? В Коране дважды утверждается: «В религии нет принуждения. Прямой путь ясно отличается от кривой дороги; кто отрицается от ложного вероучения и верует в Бога, тот держится за твердую рукоять (الْعُرْوَةُ الْوُثْقَى), которая несокрушима...» (2:256), и «Кто держит себя покорным Богу, совершая добрые дела, тот держится за твердую рукоять» (31:22). Вот эта «al-‘urwat-ul-wuthqā» – «твердая рукоять» в переводе Г.С. Саблукова, «надежная опора» в переводе И. Ю. Крачковского, «узы, спасительная нить, вервь», согласно ряду комментариев, и связывает верующих с Богом.

Но как же удержать и не потерять эту спасительную нить?

И вот здесь мы подходим, можно сказать, к краеугольному для нашей проблемы аяту: *إِنِ الْحُكْمُ إِلَّا لِلَّهِ* (ini-l-ḥukm illā li-llāh)

«Решение только у Бога» (6:57)⁶. Как может эта божественная власть осуществляться на земле ислама? Божественный закон дан в Коране, и законодательной властью в строгом смысле обладает только Коран. Исполнительную власть осуществляет халиф, но и она делегируется ему Богом через общину верующих. Я не могу не сказать несколько слов об институте халифа, хотя бы потому, что из почти четырнадцати веков существования ислама он просуществовал тринадцать – с 634 по 1924 годы, в разные периоды то наделенный реальными властными полномочиями, то едва ли не превращаясь просто в титульный.

Именно в такой форме – «халиф» – это слово встречается в Коране дважды. Об Адаме говорится: «Господь твой сказал ангелам: Я поставлю на земле наместника» (2:30); и о Давиде: «Давид! Мы поставили тебя наместником на земле; суди людей справедливо» (38:26).

Сам же глагол «*khalafa*» означает «следовать, замещать, быть преемником». Например, Моисей перед тем как взойти на Синай говорит Аарону: «Заступи меня в моем народе и устрой порядок и не следуй по пути распространяющих нечестие» (7:142). В других местах Корана: в обращении к людям: «Он тот, который сделал вас наместниками на земле...» (6:165); о Ное и верных ему: «Мы спасли его и тех, кто с ним, и сделали их преемниками» (10:73); к мусульманам: «Потом сделали Мы вас после них преемниками на земле...» (10:14).

Халиф – преемник, наместник. Он правитель верующих в том смысле, что он следует и претворяет в жизнь законы шариата – богоданного закона⁷. Он наместник, но не Бога. Первые халифы именовались «*khalīfat rasūl Allāh*» (наместник посланника Божьего). Некоторые омеядские халифы пытались присвоить себе титул наместников Божьих, чем вызвали недовольство благочестивой оппозиции. И Аббасиды, памятуя об этом, допускали

⁶ И в связи с этим аятом слова «они взяли своих книжников и монахов за господ себе, помимо Бога» комментируют так, что эти категории людей присвоили себе законодательные функции.

⁷ Это положение вы найдете не только в классических политических трактатах, но и в современных фундаменталистских концепциях всемирного халифата только в сочетании с современной политической лексикой: халифат – это не монархия и не демократия, а богоправление, которое осуществляется через халифа, избранного и уполномоченного общиной верующих.

⁵ Я не произвольно цитирую Коран, а выбираю именно те его положения, на которые чаще всего ссылается в рассмотрении вопросов религиозно-политического устройства общины сама мусульманская традиция. Естественно, в коротком докладе я не могу учитывать все спорные моменты и различия в подходах, поэтому стараюсь придерживаться серединой линии.

его только в стихотворных панегириках. Легитимным титул не стал. Не позволили, как не позволили халифу ал-Ма'муну (813–833) и двум его преемникам⁸ (и это тогда, когда Аббасиды были в зените власти) ввести мутазилитское учение в качестве государственного вероисповедания. Кто же не позволил?

В нашем конкретном случае оппозицию халифу составили fuḳahā' (знатоки права) во главе с Ахмадом ибн Ханбалом – основателем четвертого религиозно-правового толка в суннизме. Божественный закон – шариат⁹ – дан в Коране и Сунне. Кто может толковать этот закон? Знатоки права, правоведы. И вот посмотрите: основатели четырех равно авторитетных религиозно-правовых толков в суннизме (это VIII–IX века). Без преувеличения – 4 столпа мусульманского права. Абу Ханифа сначала спасется бегством в Мекку от преследований наместника Ирака, принуждавшего его к государственной службе; затем отклоняет предложение халифа ал-Мансура стать кади (судьей) Багдада, за что был высечен и брошен в тюрьму. Не помогло. Малик ибн Анас решительно отказывался от всех государственных должностей, был подвергнут телесному наказанию за отстаивание принципа «клятва, данная по принуждению, недействительна»; в историю вошло его высказывание «наука – это не драка между петухами и баранами». Аш-Шафи'и один раз был выслан, второй раз предусмотрительно бежал из Мекки в Египет. Ахмад ибн Ханбал два года провел в тюрьме, был подвергнут бичеванию, но в итоге в виду народных волнений отпущен на свободу даже с разрешением жить в Багдаде.

Почему же, несмотря на недовольство властей, слово этих людей так много значило? Как обосновывалась легитимность выносимых ими решений? В Коране сказано: «Возвышает Бог по степеням (ذَرَجَاتٍ, daradjāt) тех из вас, кто уверовал, и тех, кому дано знание» (58:11). Знание ('ilm) в исламе рассматривается как неперемное условие веры. В Коране неоднократно подчеркивается: Свои знамения Бог разъясняет людям, обладающим знанием (2:230). О чем надо молиться Богу? «И говори: Господи мой! Умножь мое знание» (20:114). В одном хадисе говорится,

⁸ Халифы ал-Му'тасим и ал-Васик. Халиф ал-Мутаваккил в 849 г. запретил дискуссии по поводу Корана.

⁹ Шариат как концепт в какой-то мере сродни иудейскому понятию галахи – правовым обычаям, регулирующим поведение человека.

что «ангелы раскроют свои крылья от радости за искателя знания», а в другом подчеркивается, что ради нового знания стоит дойти и до Китая. В идеале каждый верующий должен быть алимом – «наделенным знанием». Но улемами («'ulamā' – мн. ч. от «'ālim» – ученый, т. е. ученые мужи) называли людей, выделяющихся своей ученостью и образованностью. По мере усложнения системы наук, признанных и культивируемых в мусульманском мире, слово «улемы» применялось ко всё большей группе людей. Однако преобладала тенденция оценивать виды знания и его носителей иерархически, и религиозному знанию отводилась высшая ступень. И именно за ними, как за истолкователями слова Божьего, наследниками пророков, закрепляется звание улемов. Им в первую очередь доверено, пользуясь коранической формулировкой, «повелевать доброе и запрещать худое» (Коран 3:110). «Крепко держитесь за вервь Божью и не разделяйтесь... и пусть будет среди вас община, призывающая к доброму, повелевающая признанное и удерживающая от худого» (Коран 3:103–104).

Именно улемы вырабатывают согласное мнение уммы ('idjmā') по важным религиозно-правовым вопросам. Формируется очень важное понимание этого института консенсуса, наряду с другими его пониманиями, как согласного мнения сподвижников пророка, их учеников и учеников учеников сподвижников, т. е. мнения ученых мужей трех первых поколений мусульман. Своеобразный исторически локализованный институт – этос первоначальной общины пророка, верность которому гарантирует связь с традицией. К нему апеллируют и современные мусульманские реформаторы.

Мы не найдем в институте улемов ни четкой структуры, ни строгой вертикальной иерархии. В него включались представители разных отраслей религиозного знания, которые внутри этого института играли более или менее значительные роли в зависимости от исторической ситуации или региона. В него всегда входили как представители теоретического знания (мухаддисы – знатоки хадисов (предания), факихи – правоведы, мутакаллимы – богословы), так и люди, выполняющие религиозно-общественные функции (муфтии¹⁰ – знатоки норм шариата, наделенные правом выносить решения по конкретным религиозно-

¹⁰ مفتى – muftī, производное от أفتى aftā – высказывать мнение.

юридическим вопросам, кади – судьи, отправляющие правосудие на основе шариата, имамы – предстоятели на молитве в мечетях или муллы¹¹). В состав улемов могли включаться, а могли не включаться и авторитетные суфии: прежде всего шейхи – главы братств, муршиды или ишаны – наставники, учителя. Но об особенностях организации суфийской и шиитской духовных элит я сегодня не говорю.

Все эти должности в зависимости от места и времени могли и могут быть выборными или назначаемыми, они могут регулироваться государственным законодательством, а могут не регулироваться. В Турции, например, имама выбирает община при мечети, а власти утверждают. Как правило, необходимо специальное образование, но иногда, например в сельской местности, для муллы или муэдзина оно не требуется. Внутри самого института улемов могла выстраиваться своя иерархия, а могла и не выстраиваться. Поэтому терминологическое употребление слова «улемы» каждый раз нуждается в конкретизации.

Чтобы не ограничивать свой доклад только общими положениями, я очень кратко остановлюсь на одном примере, который, я думаю, представляет для нас наибольший интерес: как организовывалась, структурировалась мусульманская духовная элита в России.

Организационные структуры российских мусульман просуществовали с некоторыми изменениями до 1917 года и во многом воспроизводятся сегодня. Формируются они в основном при Екатерине II. Именно при эби-патша (бабушке-царице), как ее ласково прозвали татары, ислам в Империи из гонимой становится «терпимой» религией.

Во время путешествия по Волге в 1763 году Екатерина посещает Казань и дает разрешение строить каменные мечети. 22 февраля 1764 года подписывает Указ Именной, данный Правительствующему Сенату, «О позволении Князьям и Мурзам Татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства»: «Всемиловнейшую волю нашу объявляем, чтоб все те,

кои из так называемых Князей и Мурз Татарского происхождения, в каком бы законе от праотцов своих не остались, предъявят жалованныя предкам их Государския грамоты на недвижимыя имения и другие письменные виды, утверждающие благородство, с явным доказательством, что они от тех родов произошли, возстановлены были в состояние им свойственное»¹².

В 1773 году по указанию Екатерины II Святейший Синод выпускает эдикт «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, представляя все сие светским начальствам». Наконец, именным указом Екатерины II от 22 сентября 1788 года учреждается Уфимское Духовное Магометанского закона Собрание (с 1796 – Оренбургское, с 1846 по 1917 годы оно называлось Оренбургское Магометанское Духовное Собрание). Полномочия его осуществлялись на территории Уфимского наместничества и Оренбургской губернии, а позже на всей территории России, кроме Таврического наместничества. В 1831 году в Симферополе было создано Таврическое Духовное Собрание, а в 1872 году в Тифлисе Закавказских (шиитского и суннитского учений) магометанских духовных правлений.

Духовное собрание было приравнено по деятельности к средним судебным учреждениям, подчинялось местной администрации и с 1810 года Главному управлению духовных дел иностранных исповеданий. Председатель (муфтий) назначался императорским указом по представлению министерства внутренних дел и местной администрации, а члены Духовного собрания (заседатели) до 1889 года избирались мусульманским духовенством Казанской губернии, а затем по представлению муфтия назначались Министерством внутренних дел. Муфтии, заседатели и служащие получали жалование как государственные чиновники. Должность председателей и членов Духовного собрания и правлений была пожизненной.

«Духовные лица» избирались местным населением, но подвергались достаточно сложной и строгой бюрократической проверке в плане их богословской подготовки и политической благонадежности. В ведении Духовного собрания находилось: испы-

¹¹ В суннизме часто употребляется как синоним имама, но может быть и духовным званием улема, а на Кавказе, например, муллой также называют муэдзинов (в обычном значении – призывающий на молитву) или «будничных» имамов, тогда как «пятничный» имам именуется муллоу-эфенди у суннитов и муллоу-ахундом у шиитов.

¹² См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 22: 1784–1788 гг. С. 51–52, № 15.936.

тание претендентов на приходские должности в знании канонов ислама (лексику оставляю без изменений), надзор за действиями мусульманского духовенства, строительство и ремонт мечетей, заключение браков, имущественные споры, вакфы (если очень кратко, то это имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели), случаи неповиновения детей родителям, правильность исполнения мусульманских обрядов и ведения метрических книг (с 1828 года) приходским духовенством. При отсутствии каких-либо компрометирующих сведений испытуемому выдавали именной императорский указ и он становился указным муллою, муэдзином и т. д. Однако на местах наряду с указными продолжали действовать и неуказные муллы.

Структура Духовного собрания в первой трети XIX – начале XX века, согласно Уставу Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, была трехступенчатой: высшая (муфтият) состояла из муфтия, 5–6 казыев (судей), ответственного секретаря, переводчика, столоначальников и писарей; средняя (мухтасибат, от араб. muhtasib – контролер, инспектор) – из 2–5 человек во главе с мухтасибом-инспектором; нижняя (мутаваллият – тоже от араб. «правление») – из муллы, муэдзина и секретаря-казначей при каждой мечети¹³.

Духовное собрание (теперь управление или муфтият) оказывалось, с одной стороны, инструментом надзора за исламом со стороны правительства, с другой – вполне эффективным механизмом самоорганизации российской мусульманской общины. По существу, именно в таком качестве оно существовало и действовало со второй половины XVIII века до нашего времени.

В СССР, естественно, под жестким контролем властей действовало четыре духовных управления мусульман – Европейской части России и Сибири (ДУМЕС), Среднеазиатское, Закавказское, Северо-Кавказское.

Современные мусульманские организационные структуры в России (данные в скобках сравнения с православными организационными структурами имеют чисто условный, формальный характер):

– Центральное Духовное управление мусульман России и Европейских стран СНГ (ЦДУМ) – старейшее мусульманское духовное управление в России, отметившее в 2008 году свой 220-летний юбилей. Председатель – верховный муфтий Талгат Таджуддин. ЦДУМ – влиятельная организация, но с распадом СССР перестала быть единственной структурой, организующей религиозную жизнь мусульман.

– Совет муфтиев России – централизованный координационный центр мусульман России. Основан в 1996 году. Председатель – муфтий Равиль Гайнутдин. 25 ноября 1998 года Совет муфтиев России объединился с Высшим координационным центром Духовного управления мусульман России и Координационным центром мусульман Северного Кавказа (председатель Исмаил Бердиев). Коллегиальный орган, выполняющий чисто координационные функции.

– Региональные духовные управления мусульман (РДУМ) – 28 управлений действуют на территориях отдельных субъектов федерации России или на территориях отдельных государств СНГ; может объединять область, ряд областей, край. (Ближе к епархиям, но некоторые достигают уровня митрополии, как например, ДУМЕР – Духовное управление мусульман европейской части России; председатель – шейх Равиль Гайнутдин).

– Мухтасибаты или муфтияты России были образованы из крупных региональных религиозных центров. Мухтасибаты, как правило, имеют статус религиозной организации и учреждаются вышестоящей религиозной организацией. Руководителем Мухтасибата является председатель Мухтасибатского правления в сане имам-мухтасиба. Это, в основном, районное или городское объединение в крупных городах (ближе всего к благочиниям).

– Махалляты – на территориях небольших городов, городских районов, микрорайонов, поселков, сел и деревень создаются местные мусульманские религиозные организации – махалля (аналог прихода). Руководителем местной мусульманской религиозной организации является имам-хатыб.

Таким образом, при отсутствии строго структурированной иерархии в исламе во все времена действовал эффективный институт, с помощью которого мусульманская община сохраняла свою идентичность. Принадлежа различным направлениям в исламе, различным религиозно-правовым толкам, группы улемов могли действовать сплоченно, либо находясь в союзе с властями,

¹³ Подробно см.: Фархшатов М. Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Москва, 2006. С. 286–292.

либо возглавляя оппозиционные властям силы. У них никогда не было единого главы, за исключением османского периода, когда была учреждена должность муфтия Константинополя, носившего титул шейху-л-ислам. Но Османская империя никогда не охватывала весь исламский мир, да и должность эта была больше номинальной, чем реальной. Улемы могли объединяться по регионам, вполне успешно взаимодействуя с местными традициями и выступая в определенные периоды в качестве влиятельных политических лидеров.

Если, характеризуя природу власти улемов, воспользоваться терминологией Макса Вебера, то для нее было характерно сочетание всех трех типов господств¹⁴ (в нашем случае, может быть, лучше сказать старшинств). Рационального, основанного на вере в легальность и законность этого старшинства; традиционного, основанного на вере в то, что именно улемы являются гарантами преемственности традиции, ее связи с первоначальной общиной пророка; харизматического, основанного на вере в незаурядные личные качества – героизма, образцовости личности, учености.

Преобладают в основном первые два типа, однако в кризисные периоды на первый план может выходить харизматический тип, как в рассмотренном нами случае с Ахмадом ибн Ханбалом или в минувшем веке с лидерами фундаменталистских течений Сейидом Кутбом, Абу Ала Маудуди и, конечно же, с имамом Хомейни.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА. ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

В. Коваль-Зайцев. Действительно жаль, что не было соответствующего доклада о православном учении, но в этом вопросе мы более-менее ориентируемся.

Д.-А. Садур. Я хотел бы, переходя к современности, задать вопрос о наследниках имама Ибн Ханбалы, а вернее последователей Ибн Абд ал-Ваххаба, которые достаточно активно действу-

ют в мире, а в последние десятилетия и в нашей стране. Одна из форм выражения их позиции – это антиклерикализм, начиная с разговоров о чрезмерной авторитарности некоторых шейхов, имамов и улемов и кончая тем, что имамом может быть практически любой человек. Фактически в некоторый абсолютизм возводится отрицание всякого рода «иерархии» в кавычках. Но на практике получается, что сами они (т.е. последователи Ибн Абд ал-Ваххаба), отрицают все направления ислама, кроме своего собственного, считают подлинным и идущим последовательно от пророка. Что самое смешное, у них же складывается своя собственная иерархия, т.е. у них есть стихийные проповедники, у них есть свой авторитет в лице Ибн Абд ал-Ваххаба и т.д. Что Вы можете сказать об этой напряженности? С одной стороны, это направление представляет своего рода мусульманский протестантизм, т.е. отрицание всякого рода иерархии (проблема, конечно, не только в этом, но эта тема – одна из наиболее острых), а с другой стороны, выстраивают свою собственную иерархию.

А. Журавский. Собственно говоря, Вы сами частично уже ответили на свой вопрос. Речь идет о радикальных ваххабитах, я говорю радикальных, потому что ваххабизм далеко не однородное течение. Есть разные ваххабизмы. Для чего радикальному ваххабизму нужно отрицание иерархии? Это удобно, прежде всего, чтобы противопоставить себя неудобным (*им* неудобным) направлениям в исламе. А то, что у них возникает своя иерархия, – причем, обратите внимание, она возникает точно по тем же принципам, тот же механизм работает – это вполне естественно. Именно по мусульманским принципам она возникает. Значит, возникают стихийные и харизматические проповедники, но этим проповедникам без традиционной легитимности не обойтись. Тогда появляется этот миф о том, что ваххабизм восходит к Ибн Таймийи и к самому Ибн Ханбалу, основателю четвертого правового толка. Но в ваххабизме самого Ибн Абд ал-Ваххаба (XVIII век) от Ибн Ханбалы и от Ибн Таймийи (это действительно были глубокие ученые и т.д.) очень мало, взяты только некоторые идеи и то – предельно упрощены. А вот что действительно реально нового внес ваххабизм в XVIII веке, это как раз идея «кто не со мной, тот враг», потому что Мухаммад ибн Абд ал-Ваххаб кафирами – неверными – называл не только христиан и иудеев (вопреки Корану), но и всех мусульман, которые не принимают его учения.

¹⁴ Макс Вебер. Типы господства // Социологические исследования, (5) 1988.